

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
МУЗЕЙ ИСТОРИИ УНИВЕРСИТЕТА

Труды семинара

“Проблемы истории и историографии археологической науки”

Выпуск 1

**САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
И
ОТЕЧЕСТВЕННАЯ АРХЕОЛОГИЯ**

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

Редакционная коллегия:

канд. ист. н. И. Л. Тихонов (отв. ред.),
канд. ист. н. И. В. Тункина,
канд. ист. н. Ю. А. Кунина,
Н. Н. Жервэ.

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Международного научного фонда
номер гранта: ZZ 4000 / 299*

Санкт-Петербург и отечественная археология. Историкографические очерки.: Труды семинара "Проблемы истории и историографии археологической науки" / Отв. ред. *И. Л. Тихонов*. СПб., 1995. Вып. 1

В сборнике публикуются статьи, посвященные Санкт-Петербургу как научному центру археологии в XIX-первой половине XX вв. Рассматриваются вопросы научной деятельности отдельных учреждений и археологов, генезиса некоторых научных направлений и другие проблемы.

Для археологов, историков, студентов исторических факультетов и всех интересующихся историей отечественной гуманитарной науки и культуры.

А. Н. Оленин и древности Южной России

Алексей Николаевич Оленин (1764-1843) занимает одно из видных мест в истории отечественной археологии. Именно его именем Г. С. Лебедев обозначил двадцатилетний период развития нашей науки — с 1826 по 1846 гг.¹ С таким определением не согласился А. А. Формозов, который отметил чисто петербургский характер деятельности А. Н. Оленина и охарактеризовал всю первую половину XIX столетия как "период дворянского дилетантизма".² Не вдаваясь в дискуссию об этапах и периодах истории отечественной археологии, следует все же признать значительный вклад А. Н. Оленина в дело популяризации исторических и археологических знаний, его роль в сложении археологии как самостоятельной дисциплины в системе гуманитарного знания России первой половины XIX в.

Директор Императорской Публичной библиотеки (с 1811 г.), президент Академии художеств (с 1817 г.), член Государственного Совета (с 1827 г.), А. Н. Оленин многие десятилетия находился в центре культурной жизни Петербурга, объединяя вокруг себя группу любителей и знатоков древнерусской истории, археологии и письменности — т. н. Оленинский кружок (А. И. Ермолаев, А. Х. Востоков, К. М. Бороздин, П. К. Фролов). Он покровительствовал начинающим ученым, писателям и художникам, всячески поддерживал молодые таланты.³ В истории нашей науки А. Н. Оленин стоит в одном ряду с П. И. Кеппеном и А. С. Уваровым, одновременно изучавшими как античные, так и древнерусские памятники.⁴ Большой знаток истории Средневековой Руси, он всю жизнь оставался страстным поклонником античной культуры, изучал "бытовую" археологию классического мира — исследовал костюм, предметы вооружения и т. п. по произведениям вазописи, скульптуры, глиптики. Общеизвестно, что по греческим бытовым древностям он консультировал Н. И. Гнедича при переводе "Илиады" Гомера, при этом сам нередко обращаясь за советами к таким знатокам античности, как академики Х. Ф. Грефе и Е. Е. Келер, к министру народного просвещения и президенту Петербургской АН С. С. Уварову.⁵

В одном из писем к А. И. Тургеневу А. Н. Оленин так объяснял свои принципы изучения археологических памятников: "Сам смотри и разбирай, памятуя всегда стих Н. А. Крылова "А ларчик просто открывался!"... Памятники искусства древних, подлежащие археологическому разбору, должны быть мне представлены, при ученых толкованиях об оных... не иначе..., как с приложением подлинных памятников, или по крайней мере с самыми верны-

ми и подробными противными (это старинное русское слово) вместо иностранного Facsimile. Вот мой символ веры археологический, филологический и технический".⁶

А. Н. Оленин был неумолим в своих требованиях к информативности и качеству археологических публикаций — они должны быть снабжены точными, без упущения малейших деталей, рисунками древностей. Отсюда пристальное внимание президента к программам учебных курсов в Академии художеств.⁷ В его архиве сохранилось несколько рукописей, посвященных этому вопросу. Так, в "Программе систематического разделения курса истории, археологии и этнографии для питомцев императорской Академии художеств" (1834 г.) автор пишет о трех "пробуждениях", которые "могут нас заставить древности любить": "Первое, врожденное человеку любопытство и некоторое тщеславие иметь все то, что в старину употребляли или водилось, и все что из дальних стран привозится; второе, любовь к изящным искусствам и вкус ко всякой вещи, находящий что-либо хорошее; третье, историческое любопытство знать, что в старину делалось, памятниками проверять предания, сравнивать древнее искусство и обряды с настоящим временем и делать из того философические заключения".⁸

Разработанный А. Н. Олениным курс археологии включал в себя изучение памятников политической, военной, религиозной и бытовой истории, а также давал "самые краткие ясные понятия об обычаях, обрядах... и степени просвещения" древних народов. Он охватывал несколько хронологических периодов и тематических разделов: "первобытные" и "баснословные" времена, и "собственно древности, заключающиеся в преданиях и памятниках искусства древних". Задачу художника А. Н. Оленин видел лишь "в верном механическом подражании всем формам, в природе существующим", для чего воспитанникам Академии художеств, по его мнению, необходимы твердые знания в области истории и географии.

Преподавание основ археологических знаний должно было базироваться на памятниках древнего искусства и "верных сведениях" ученых, "ибо ничто не может быть столь неприятно для образованного любителя художеств, как видеть в превосходно механически исполненной картине нелепое и невежественное смешение обычаев, обрядов, одежий, оружия, архитектуры и скарба, совершенно несвойственных народу и времени, к которому изображенное живописцем или ваятелем происшествие... принадлежит". Учебными пособиями для художников должны стать "гравированные картины, представляющие в лицах... главные обычаи, обряды и объяснения по разным эпохам наименитейших народов древности, средних и новейших времен".

С искривляемым презрением А. Н. Оленин высмеивал встречавшиеся ему художественные произведения, символы "невежества и малой образованности", где, например, был изображен Авраам, приносящий в жертву сына "выстрелом из винтовки", или Дидона, входящая на костер и закаляющая

себя "предлинною гишпанскою шлягою в присутствии телохранителей, одетых в швейцарское платье и вооруженных алебардами".⁹ Сам неплохой рисовальщик и гравер, президент Академии художеств учил своих воспитанников разбираться в одежде и оружии древних народов, устроил манекенный класс для рисования костюмов, значительно обогатил археологические собрания пожертвованием собственной коллекции древнего оружия.¹⁰

К зарисовке древностей А. Н. Оленин привлек выпускника Академии художеств Ф. Г. Солнцева (1801-1892), причем требовал от него сознательного отношения к делу, заставлял наводить справки в литературе, чтобы рисовальщик знал время создания и названия фиксируемых им памятников.¹¹

Стараниями А. Н. Оленина при Императорской Публичной библиотеке была собрана значительная коллекция древностей, ответственность за которую нес хранитель манускриптов А. И. Ермолаев, а после смерти последнего в 1828 г. — А. Х. Востоков. Нумизматический отдел Депо манускриптов включал 9026 монет (в том числе 979 древнегреческих и римских), из которых 400 было пожертвовано самим Олениным.¹² Здесь же хранились 42 вазы, включая т. н. "этрусские" (т. е. расписные) из коллекции генерал-майора Н. Ф. Хитрово,¹³ 84 "чудских" предмета, новгородские серебряные гривны, "ламайские идолы" и т. п. В библиотеку поступили находки из раскопок Я. Л. Парокья в курганах вокруг ст. Тамань близ Фанагорийской крепости (1817-1818 гг.),¹⁴ и поднесенные Александру I поручиком Адабашем вещи, обнаруженные им в курганах на берегу реки Сиюхи — 11 древних монет, железный "панцирь", 5 медных стрел и окаменелость, "имеющая вид хлеба". По приказанию Николая I в 1827, 1831, 1851-1852 гг. все художественные, археологические и этнографические коллекции, собранные в Публичной библиотеке, как непрофильные были переданы в Эрмитаж, Царскосельский Арсенал, Гатчинский дворец, Оружейную палату и в католическую церковь в Петербурге.¹⁵

Сенсационное археологическое открытие 1830 г. в кургане Куль-Оба близ Керчи, обогатившее науку уникальным комплексом скифского времени, не могло оставить А. Н. Оленина равнодушным. Находки, привезенные в столицу чиновником канцелярии Керчь-Еникальского градоначальства Д. В. Карейшей, были выставлены в Мальмезонской галерее Эрмитажа. Во время их осмотра Николаем I, вероятно, присутствовал и А. Н. Оленин. В делах архива музея сохранилась записка археолога, датированная 24 февраля 1831 г., с объяснениями о характере, назначении и ценности древностей и замечаниями о литографированных плане и разрезе погребальной камеры, которые были выполнены Д. В. Карейшей.¹⁶ Однако император повелел не А. Н. Оленину, а хранителю I Отделения Эрмитажа академику Е. Е. Келеру составить научное описание памятников. Узавленный А. Н. Оленин, независимо от Келера, взялся за самостоятельное изучение находок. Его воспитаннику, художнику Ф. Г. Солнцеву разрешили сделать рисунки предметов.¹⁷

В 1835 г. А. Н. Оленин предложил Совету Академии художеств дать Ф. Г. Солнцеву задание в виде программы на звание академика — «нарисовать акварелью, в живописных группах, собрание найденных в России произведений древнегреческого и скифского искусства и особенно старинных изделий и некоторых русских самобытных костюмов, уцелевших между простолюдными». ¹⁸ Это отнюдь не означало, как понял А. А. Формозов, соединение в одной композиции вещей различных исторических эпох, ¹⁹ т. к. выше упомянутые негативные высказывания А. Н. Оленина о подобной практике свидетельствуют сами за себя. Однако художник предпочел программу по средневековой русской тематике, и в сентябре 1836 г. был удостоен звания академика — к рисованию античных древностей он более не возвращался.

В архиве А. Н. Оленина хранится рукопись в нескольких редакциях — «Керченские греко-скифские древности, или краткий разбор вещей, найденных в 1830 г. в древней гробнице близ Керчи». ²⁰ Автор собирался издать книгу в 4-х тетрадях с 27 литографированными рисунками и сопроводительным текстом. «Объяснительный разбор... древностей... требует многих подробных и верных исследований, сопровождаемых основательными соображениями и несомненными доводами. Сии доводы следует прилежно отыскивать в древних авторах, в памятниках искусства отдаленнейших времен, и в сохранившихся поныне обычаях у некоторых еще народов всех пяти частей света», — писал он в предисловии. ²¹ По мнению А. Н. Оленина, многочисленные драгоценные вещи, найденные в гробнице Куль-Обы, говорят о ее принадлежности каким-то скифским, парфянским (sic!) или понтийским владетелям, а сами древности по форме и отделке, безусловно, греческие «лучших времен искусства». ²² Архитектуру склепа и погребальный инвентарь он отнес «ко временам Митридата Евпатора или Дионисия, т. е. за век и более до Р. Х.». ²³ Исторические построения А. Н. Оленина теперь вызывают лишь улыбку, но их наивность вполне объяснима новизной изучаемого памятника и отсутствием в то время каких бы то ни было хронологических привязок. Автор с удивительной интуицией уловил восточное влияние в произведениях древних мастеров. Культурно-историческая принадлежность кургана Куль-Оба была установлена лишь во второй половине XIX в., а вопрос датировки его погребений дискутируется вплоть до сего дня. ²⁴

Интересное замечание оставил А. Н. Оленин о знаменитой золотой бляхе в виде фигуры лежащего оленя с изображениями на его туловище грифона, зайца и льва, собаки под шеей и надписью «ΠΑΙ». По выполненному с нее рисунку управляющий Ботаническим садом Ф. Б. Фишер определил в животном дося «древней, истребившейся может быть породы». Изучая бляху с точки зрения канонов греческого искусства классической эпохи, А. Н. Оленин объяснял «неверную», по его мнению, трактовку рогов и копыт не чем иным, как «неумением ваятеля». Искреннее изумление автора вызвала похожая манера изображения оленей на серебряной двусторонней бляхе из сибирской коллекции Петра I в Кунсткамере. ²⁵

Архивные документы свидетельствуют, что открытие куль-обских древностей было настолько примечательным событием, что даже обсуждалось в великосветских салонах. В дневнике княгини М. А. Гагариной имеется следующая запись: "Господин Оленин принес мне одну вещь, замечательную как в отношении исполнения, так и с точки зрения его собственных исторических исследований. Это рисунки русских древностей, найденных в Керчи, — колье, браслеты, сделанные в греческом вкусе, и некоторое количество деталей в барельефах и орнаменты, доказывающие аналогию, прослеживаемую между греческими и русскими вещами. Потом есть еще одна примечательная вещь в отношении возможности доказать, что казаки были потомками древних парфян, главным образом по сходству костюмов и хлыста. Рисунки очень красивы, выполнены Суровым (так в тексте. — *И. Т.*), а описание их будет сделано самим Олениным. Он один из наиболее интересных людей, встреченных мною в России, человек высокообразованный, чрезвычайно добрый, приятного характера. Он обладает всеми [качествами], чтобы поддерживать и защитить все [то], что ему доверяют" (*пер. с франц.*).²⁶

В 1831 г. А. Н. Оленин обратился к одесскому градоначальнику А. И. Левшину с вопросом: "Возможно ли с успехом продолжать отыскивание древностей в Крыму, на тех местах, где некогда существовала Пантикапея, а ныне построен г. Керчь?", на что получил положительный ответ. По мнению А. И. Левшина, на раскопки необходимо ежегодно, в течение 10 лет отпускать по 2 тыс. рублей ассигнациями, а руководство работами возложить на известного археолога, Керчь-Еникальского градоначальника И. А. Стемпковского. Для зарисовки находок следует прислать художника из Академии художеств, "ибо в музеях Одесском, Керченском, Николаевском и даже в малом собрании, хранящемся в Феодосии, есть уже многие остатки древности, достойные быть срисованными и даже гравированными для сведения всех европейских археологов".²⁷

Проведение полевых работ в Новороссии император поручил Д. В. Карейше, который был причислен к штату Министерства Императорского Двора, а контроль за ними возложил на И. А. Стемпковского.²⁸ По заведенному министром Императорского Двора П. М. Волконским порядку, А. Н. Оленин должен был осматривать в Эрмитаже памятники, доставленные из районов раскопок. С началом систематических археологических исследований в Керчи и на Тамани (с марта 1832 по март 1843 гг.) все письменные отчеты Д. В. Карейши и директора Керченского музея древностей А. Б. Ашика обязательно передавались на заключение не только Е. Е. Келеру, но и А. Н. Оленину.²⁹ В 1833 г. у последнего возникла мысль составить инструкцию для улучшения методики полевых исследований в Новороссии, для "методического сколько можно производства... поисков, с указанием на предметы, требующие особого при сем деле внимания и осторожности, а именно при открытии вещей, угрожающих мгновенным разрушением, которые... должны быть

немедленно срисованы на месте, с самой строгою точностью, отчетом и поспешностью".³⁰

К сожалению, это благое намерение так и не было претворено в жизнь, т. к. многочисленные служебные обязанности занимали почти все время А. Н. Оленина. Наукой ему приходилось заниматься лишь урывками, поэтому так много задуманных, но недописанных исследований осталось в его бумагах. Среди них и уже упомянутый труд о керченских и фангорийских древностях, который автор намеревался издать еще в 1833 г. Находки из раскопок А. Б. Ашика и Д. В. Карейши ежегодно давали новую информацию о жизни древних обитателей Боспора. Свой труд А. Н. Оленин хотел дополнить "исправленными" чертежами Д. В. Карейши, и, возможно, в качестве приложения опубликовать отчеты о раскопках в Керчи и на Тамани.³¹ Однако этот замысел остался неосуществленным.

"Золотая лихорадка", охватившая А. Б. Ашика и Д. В. Карейшу, постепенно переросла в соперничество между ними, следствием чего стало уничтожение огромного числа беспорядочно раскопанных ими курганов. Вина за это во многом падает на петербургских ученых — Е. Е. Келера и А. Н. Оленина, непосредственно изучавших как отчеты о раскопках, так и сами находки, пересылаемые в столицу. Лишь с 1838 г. началась частная переписка между А. Н. Олениным и А. Б. Ашиком по научным вопросам. Цель археологических исследований в Новороссии А. Н. Оленин видел в том, чтобы показать "просвещенной Европе, какими разнородными богатствами Россия изобилует — даже и в изящных произведениях искусства древних греков!".³² Касаясь содержания отчетов о раскопках, А. Н. Оленин просил А. Б. Ашика при открытии гробниц "означать одними очерками места, где на остовах покойников или подле оных находились... вещи... и в каком порядке все сии предметы были расставлены", показывать "очерком" способ построения склепов "с лицевой их стороны и в разрезе" (1838 г.).³³ Многословные, изобилующие наукообразными отступлениями полевые отчеты А. Б. Ашика он хвалил за "осторожные", "основательные" и "скромные" замечания. "Этот молодой человек, — писал А. Н. Оленин, — может далеко идти по сей части, если не возмечтает, что он всеведущ, как то иногда думают многие из недоученных наших соотечественников!".³⁴

О Д. В. Карейше А. Н. Оленин заметил, что археологу "недостает некоторых вспомогательных сведений, как-то общих понятий о зодческом и строительном искусстве, также достаточного умения рисовать". Вместе с тем, по его мнению, в помощь раскопщику в Керчь все же необходимо отправить двух-трех питомцев Академии художеств или учеников Московского дворцового архитектурного училища под руководством Ф. Г. Солнцева для "рисования по части археологической".³⁵ Однако художники из Петербурга и Москвы в Керчи так и не появились.

Совершенно уничтожительный отзыв дал А. Н. Оленин на известную рукопись пионера керченской археологии, французского роялиста-эмигранта

П. Дюбрюкса с описанием городищ и курганов Европейского Боспора. "Я должен откровенно сказать, что труд сей ни в каком отношении не заслуживает особенного внимания. Господин Дюбрюкс, как полагать можно, не приготовился предварительным учением к предпринимаемым им трудам. Сверх того, что он, кажется, не имеет обширных сведений в науках, г. Дюбрюкс пишет на родном своем языке дурным слогом, даже с разными ошибками противу правописания... Описание... не имеет системы и самые предметы описаний собраны... без надлежащей осмотрительности". Приложенные к рукописи планы и чертежи, до сих пор сохранившие свою ценность как важнейший источник по археологической топографии Боспора, А. Н. Оленин посчитал несостоятельными и "во всех отношениях недостаточными".²⁶ Но беда в том, что "достаточных" планов в то время так и не было составлено, многие памятники с тех пор погибли безвозвратно, т. к. были разобраны на камень или раскопаны без должной фиксации. Высокообразованному *любителю* А. Н. Оленину (как он сам себя характеризовал в письмах к акад. Е. Е. Келеру)²⁷ малограмотный П. Дюбрюкс, писавший сухим, не вычурным слогом, резко отличавшимся по стилю от большинства археологических трудов того времени, не мог показаться серьезным исследователем, и об этом можно только сожалеть. Основополагающий труд П. Дюбрюкса был по достоинству оценен и впервые опубликован только после его смерти.²⁸

В бумагах известного востоковеда и археолога XIX в., барона В. Г. Тизенгаузена, занимавшегося историей российской археологии, имеются сведения, что еще в 1831 г. А. Н. Оленин предлагал создать общероссийский правительственный орган, ведавший археологическими раскопками в стране.²⁹ Мне удалось найти более поздние документы, относящиеся к весне 1835 г., подтверждающие этот факт. По замыслу А. Н. Оленина, Археологическая комиссия, Попечительный комитет или Главное управление изыскания древностей в России необходимо организовать с целью "правительственного... производства археологических поисков, для надлежащего и столь нужного для истории наблюдений нравов и обычаев народов, населяющих Россию; для систематического и осторожного производства работ при открытии древностей и для разрешения встречающихся недоумений по части археологической". Обращает на себя внимание широкий спектр задач комиссии, включающий не только археологическое, но и этнографическое изучение России. Правда, территориально он предлагал ограничить ее деятельность только южными районами страны. По замыслу А. Н. Оленина, попечительство должно было стать прежде всего научным учреждением, объединявшим лучших ученых Петербургской Академии наук в лице Х. Д. Френа, Е. Е. Келера, Х. Ф. Грефе, Ф. И. Круга, А. М. Шегрена, Я. И. Шмидта, т. е. людей, "знающих и любящих трудные, скучные и часто неблагодарные археологические исследования..., а может быть со временем и наших собственных соотечичей".

Среди главных задач комиссии — разведка древностей в Крыму, на Кавказе и прилегающих землях; систематизация и описание памятников, их издание; выработка инструкции "для правильных поисков... по части археологической и исторической"; сосредоточение в своих руках всех денежных средств, отпускаемых на раскопки; руководство и контроль за работой "исполнителей" на местах; представление полевых отчетов. А. Н. Оленин полагал, что так как А. Б. Ашик и Д. В. Карейша не имели специальной археологической подготовки, то они все равно не получат "желательного полного успеха" в своих работах. Полевым исследователям необходимо содействие художника для зарисовки древностей и составления планов, формовщика для снятия слепков с находок. Одна лишь инструкция раскопщикам, по мнению автора, не может решить всех проблем, поэтому необходимо найти "досужих людей для выполнения преподаваемых в той инструкции правил" и создать специальную Археологическую комиссию.⁴⁰

Мысли о необходимости создания Попечительства над изысканием древностей в России были изложены А. Н. Олениным в письме к министру Императорского Двора князю П. М. Волконскому, который откликнулся на предложение риторическим вопросом — "в чем будут состоять издержки" по учреждению комитета и "до какой суммы могут оные простираться?"⁴¹ Однако дело этим и ограничилось — ходатайство А. Н. Оленина не встретило поддержки в правительственных кругах и проект остался не реализован.

Предложение А. Н. Оленина на два десятилетия опередило свое время. Лишь в 1852 г. все археологические раскопки были подчинены министру внутренних дел графу Л. А. Перовскому, после его смерти отданы в ведение Строгановской комиссии, а в 1859 г. — Императорской Археологической комиссии при Министерстве Императорского Двора, государственному учреждению, созданному с целью организации раскопок, сбора сведений о памятниках и научного их изучения.⁴²

В личности А. Н. Оленина, типичного кабинетного ученого, сфокусированы многие противоречия периода становления отечественной археологии как самостоятельной научной дисциплины. Олицетворяя энциклопедизм науки XVIII в., он одновременно занимался как русской лексикографией, археографией, палеографией, историей, археологией, так и дисциплинами, входящими в круг изучения антиковедения. Научные интересы и взгляды А. Н. Оленина сформировались в эпоху классицизма, поэтому его понимание предмета и объекта археологии восходит к эстетике И. Винкельмана.⁴³ В трудах петербургского антиквара заметно преобладал художественно-эстетический подход к изучению античных памятников, рассматривавшихся им с точки зрения канонов классического искусства. Не случайно внимание А. Н. Оленина к раскопкам могильников, проводившихся А. Б. Ашиком и Д. В. Карейшей, к ярким находкам в курганах Европейского Боспора, и полное равнодушие к деятельности П. Дюбрюкса, главным образом занимавше-

гося изучением археологических остатков поселений. Но очевидны и заслуги А. Н. Оленина как организатора науки — стремление к совершенствованию методики полевых и кабинетных исследований, понимание необходимости скорейшего организационного оформления археологических работ в рамках специализированного государственного учреждения, выполняющего не только административные, но и научные функции.

Примечания:

1. *Лебедев Г. С.* История отечественной археологии. СПб., 1992. С. 73-80.
2. *Формозов А. А.* О периодизации истории отечественной археологии // РА. 1994. № 4. С. 221.
3. Подробнее см.: *Стойковский Н. И.* Очерк жизни Алексея Николаевича Оленина // Археологические труды А. Н. Оленина. Издание Императорского Русского археологического общества. СПб., 1881. Т. 1. С. XV-XXIX; *Тимофеев Л. В.* В кругу друзей и муз: Дом А. Н. Оленина. Л., 1983; *Солинова С. Ф.* Общественная и научная деятельность Алексея Николаевича Оленина // Государство, политика и идеология в античном мире: Межвузовский сборник. СПб., 1990. С. 171-197.
4. *Формозов А. А.* Общее и особенное в сложении археологии как науки в России // СА. 1985. № 1. С. 6.
5. *Оленин А. Н.* О части доспеха древних греков и римлян // Драматический вестник. 1808. № 5. С. 63-67; *Он же.* Археологические труды. Издание Императорского Русского археологического общества. СПб., 1881. Т. 1. С. 1-219.
6. ОР РНБ. Ф. 542. Оп. 1. Д. 143. Л. 1-1 об.
7. *Оленин А. Н.* Опыт об одежде, оружии, нравах, обычаях и степени просвещения словян от времени Траяна и русских до нашествия татар. Период первый. Письма к г. академику в должности профессора Басину, или опыт к составлению полного курса истории, археологии и этнографии для питомцев Санкт-Петербургской Императорской Академии художеств. СПб., 1832.
8. РА ИИМК. Ф. 7. Оп. 1. Д. 36. Л. 4.
9. РА ИИМК. Ф. 7. Оп. 1. Д. 36. Л. 4, 21; Д. 37. 2 об.-4, 16 об.; Д. 40. 2 об, 12-13 об., 18 об.-20 об.
10. *Оленин А. Н.* Краткое историческое сведение о состоянии Императорской Академии художеств: С 1764 по 1829 гг. СПб., 1829. С. 63.
11. *Белозерская Н. А.* Федор Григорьевич Солинов, профессор археологической живописи: Шестидесятилетний юбилей, 1825-1885 // Русская старина. 1887. Т. 54. № 6. С. 720.
12. *Голубева О. Д.* Алексей Николаевич Оленин // Хранители мудрости. М., 1988. С. 27.
13. *Солинова С. Ф.* Ук. соч. С. 179.
14. *Тухчина И. В.* К истории археологического изучения Таманского полуострова в конце XVIII-первой четверти XIX вв. // Боспорский сборник. М., 1993. Т. 2. С. 13-18.
15. АГЭ. Ф. 1. Оп. I-1827. Д. 9. Л. 1; Ф. 1. Оп. II-1831. Д. 9; Ф. 1. Оп. I-1831. Д. 14/1. Л. 1-2 об.; РА ИИМК. Ф. 1-1885. Д. 59. Л. 247-252.
16. АГЭ. Ф. 1. Оп. I-1831. Д. 19. Л. 9-10 об.
17. Там же. Л. 12.
18. *Белозерская Н. А.* Ук. соч. С. 727.

19. *Формозов А. А.* Страницы истории русской археологии. М., 1986. С. 45.
20. РА ИИМК. Ф. 7. Оп. 1. Д. 10. Л. 1-481.
21. Там же. Л. 64-64 об.
22. Там же. Л. 25 об.
23. Там же. Л. 75 об.
24. *Алексеев А. Ю.* Скифская хроника. (Скифы в VII-IV вв. до н. э.: Историко-археологический очерк). СПб., 1992. С. 142-143, 156-157. Прим. 1.
25. РА ИИМК. Ф. 7. Оп. 1. Д. 10. Л. 109-109 об.
26. ОР РГБ. Ф. 239. Карт. 26. Д. 1. Л. 49 об.
27. РА ИИМК. Ф. 7. Оп. 1. Д. 11. Л. 10-11.
28. АГЭ. Ф. 1. Оп. 1-1831. Д. 19. Л. 38-38 об.
29. *Латышев В. В.* К истории археологических исследований в Южной России: Из переписки А. Н. Оленина // ЗООИД. 1889. Т. 15. Отд. 1. С. 61-115; *Солинова С. Ф.* Ук. соч. С. 188.
30. РА ИИМК. Ф. 7. Оп. 1. Д. 11. Л. 120 об.
31. Там же.
32. РО ИРЛИ. Ф. 615. Оп. 1. Д. 19. Л. 1 об. -2.
33. *Оленин А. Н.* Письма к А. Б. Аннику / Публикации М. И. Семеновского // ИРАО. 1877. Т. 8. С. 553-554.
34. РА ИИМК. Ф. 7. Оп. 1. Д. 11. Л. 168-168 об.
35. Там же. Л. 120 об., 150.
36. Там же. Л. 134-134 об.
37. *Оленин А. Н.* Археологические труды. Издание Императорского Русского археологического общества. СПб., 1882. Т. 2. С. 7, 9.
38. *Дюбрюкс П.* Описание развалин и следов древних городов и укреплений, некогда существовавших на европейском берегу Босфора Киммерийского, от входа в пролив близ Еникальского маяка до горы Опук включительно, при Черном море. Пер. с франц. А. Г. Дюбрюкса // ЗООИД. 1858. Т. 4. Отд. 1. С. 3-83.
39. АВ СПбФ ИВ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 11. Л. 3.
40. РА ИИМК. Ф. 7. Оп. 1. Д. 11. Л. 150-151, 153-154 об.
41. Там же. Л. 155.
42. *Пескарева К. М., Рябикин Е. А.* Первое государственное учреждение отечественной археологии (к 125-летию создания Археологической комиссии) // СА. 1984. № 4. С. 299-300.
43. *Лебедев Г. С.* Ук. соч. С. 75.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Г. Н. Курочкин. Большая охота за сибирским "могильным золотом". ...	9
И. В. Тункина, А. Н. Оленин и древности Южной России.	18
А. А. Формозов. Археология на страницах «Журнала Министерства внутренних дел» 1830-1860 гг.	28
Т. А. Избаш. Нумизматика в Русском археологическом обществе.	36
Т. Н. Заднепровская. Церковно-археологические комитеты России и их роль в деле охраны и изучения памятников церковной старины.	46
Г. С. Лебедев. Петербург как центр региональной археологии	56
Н. Н. Жервэ. Петербургский археологический центр и изучение древностей Новгородской земли (XIX – начало XX вв.).	89
И. Л. Тихонов. Петербургская палеоэтнологическая школа (этапы формирования)	100
Н. И. Платонова, Г. А. Бонч-Осмоловский. Этапы творческой биографии.	121
В. Ю. Зуев. Материалы к биографии Григория Иосифовича Боровки (1894-1941).	145
С. В. Кузьминых, В. И. Старостин. Ленинградские горы в жизненном и творческом пути М. Г. Худякова.	157
Л. С. Клейн. Парадигмы и периоды в истории отечественной археологии. (Рецензия на книгу Г. С. Лебедева "История отечественной археологии. 1700-1917 гг.")	173
Список сокращений	184